

Ю. В. Тетерин¹, С. А. Пилипенко²

¹ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
экономики и управления
ул. Каменская, 56, Новосибирск, 630099, Россия*

dinlin@ngs.ru, Pilipenkosergej@mail.ru

БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ХУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ МОГИЛЬНИКА ДЯЛЯН (ГОРНЫЙ АЛТАЙ) *

Рассматриваются берестяные изделия из курганов завершающего этапа хунно-сарматской эпохи могильника Дялян в Горном Алтае. Данная категория источников сохраняется в археологических памятниках очень редко, поэтому каждая находка вносит весомый вклад в реконструкцию хозяйственно-бытового уклада населения данной эпохи. В мужском воинском захоронении кургана № 7 обнаружен берестяной колчан, в котором находились один костяной и три железных наконечника стрел. В женском захоронении кургана № 8 найдена берестяная коробочка с остатками косметического средства. Анализируется устройство и технология изготовления колчана и коробочки. Однослойный берестяной колчан, состоял из двух разных частей, имевших отличную друг от друга конструкцию. Высказывается предположение о том, что колчан был сшит специально для погребения. Прямоугольная берестяная коробочка изготовлена из одного листа бересты путем сложения углов по диагонали в треугольники и наложения друг на друга на торцевых стенках. Подобные простые по устройству берестяные сосуды имеют многочисленные аналоги в памятниках Средневековья и этнографической современности сибирских алтайцев, татар, хантов. Материалы могильника Дялян позволяют сделать вывод о том, что формы и конструкции изделий, технологические приемы обработки бересты, которые использовались в Средневековье и этнографическое время были известны в Горном Алтае и на юге Западной Сибири с хунно-сарматского времени.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, Горный Алтай, хунно-сарматская эпоха, курган, береста, изделие, берестяной колчан, берестяная коробочка.

В хунно-сарматскую эпоху в быту народов Саяно-Алтая и юга Западной Сибири широко использовались берестяные изделия (туески, сосуды, коробочки, колчаны и др.). Но, к сожалению, артефакты из органических материалов в археологических памятниках данной эпохи сохраняются очень редко. Самые ранние находки берестяной посуды зафиксированы в Горном Алтае в

погребении афанасьевской культуры могильника Бертек-33, датированного концом III – началом II тыс. до н. э. [Савинов, 1994. С. 48–49]. К более позднему времени относится уникальный по конструкции сосуд из раннескифского могильника Чесноково-1, исследованного в Степном Алтае. В пазырыкской культуре Горного Алтая береста использовалась для различных целей – пе-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

рекрытия погребальных срубов и колод, оформления средств передвижения, украшения седел, колчанов, но берестяных сосудов пока не найдено. На севере Минусинской котловины берестяная прямоугольная коробочка с четырьмя вложенными в нее миниатюрными круглыми туесками обнаружена в тагарском могильнике Березовский [Вадецкая, 1999. С. 58. Рис. 31, 2–5].

В памятниках хуннской эпохи Саяно-Алтая берестяные изделия также представлены немногочисленными находками. В Хакасии два берестяных сосуда круглой и прямоугольной формы найдены в тесинском могильнике Барсучиха I, который датируется II–I вв. до н. э. Опубликованы сведения о круглой расшитой ремешками коробочке с крышкой [Пшеницына, 1975. С. 160. Рис 3, 1]. Серия берестяных туесков-шкатулок происходит из могильника Аймырлыг (группа XXXI) в Тыве. В них содержались туалетные наборы (ножички, пинцеты) и обломки зеркал. Многие из них орнаментированы тамгообразными знаками и изображениями животных. Количество найденных берестяных предметов не указывается. Опубликованы сведения лишь об одной круглой коробочке с крышкой, украшенной изображениями идущих животных. Первоначально памятник был отнесен к постскифскому времени и датировался последними веками до нашей эры [Стамбульник, 1983. С. 41. Рис. 3]. Позже была обоснована датировка в пределах первых веков нашей эры [Вадецкая, 1999; Худяков и др., 1999].

Поскольку находки предметов из бересты хуннской эпохи редки, каждая из них представляет несомненный интерес для реконструкции хозяйственно-бытового уклада древнего населения указанной территории. К числу таких предметов относятся остатки берестяного колчана и берестяная коробочка, обнаруженные в ходе археологических исследований курганного могильника Дялян, расположенного в Шебалинском районе Горного Алтая [Тетерин, 1991].

Отметим, что в настоящее время на территории Саяно-Алтая и юга Западной Сибири нет ни одного опубликованного и детально изученного берестяного колчана хунно-сарматского времени. Берестяные сосуды, которые упоминались выше, также никогда не были предметом специального исследования. Мы надеемся, что введение в научный оборот результатов анализа находок из рас-

копанных нами курганов № 7 и 8 могильника Дялян послужит основой для дальнейшего изучения устройства и способов изготовления берестяных артефактов данной эпохи.

Памятник находится на высокой террасе левого берега Катуня, в 3,5 км к юго-востоку от устья р. Ороктой, и включает в себя курганы скифского, хунно-сарматского и древнетюркского времени. Могильник исследовался в 1989–1990 гг. в ходе аварийно-спасательных работ в зоне затопления проектируемой в тот период Катунской ГЭС. Погребальные и поминальные объекты, которые относятся к завершающему этапу хунно-сарматского периода (V–VI вв. н. э.), располагались компактной группой в северо-западной части могильника. Раскопано 13 курганов, в двух из них найдены берестяные изделия сравнительно хорошей сохранности: в кургане № 7 – берестяной колчан, в кургане № 8 – берестяная коробочка. Оба изделия были взяты монолитом и в 2016 г. переданы С. А. Пилипенко для изучения и реконструкции.

Надмогильное сооружение кургана № 7 представляло собой плоскую каменную насыпь округлой формы диаметром 2,5 м, сложенную из скальных обломков в 1–2 слоя. По периметру насыпи фиксировалось кольцо из более крупных камней. Под насыпью – прямоугольная с округленными углами могильная яма размерами 3,5 × 1,6 × 1,3 м, ориентированная длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Северо-западная часть могильной ямы располагалась за пределами надмогильного сооружения.

Могила не потревожена. На дне могильной ямы в северо-западной части – развалившийся каменный ящик без перекрытия размерами 1,9 × 0,9 × 0,3 м. Юго-восточная торцовая плита отсутствовала. На ее месте – сопроводительное погребение молодой особи взнузданного коня, уложенного по длине могилы, на правом боку с подогнутыми ногами, ориентированного на юго-восток. Шея коня сломана и уложена вместе с головой на круп.

Внутри каменного ящика на подстилке из войлока похоронен молодой мужчина 18–20 лет (рис. 1). Покойный уложен вполоборота вдоль северо-восточной стенки ящика, головой на запад-северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти располагались в районе живота. Таз лежал на правом боку вплотную

к стенке ящика, ноги подогнуты в коленях. Череп слегка отклонился к северо-восточной стенке ящика. Справа от человека, частично перекрывая его правое плечо, находились остатки мясной пищи – ребра, позвонки, кости ног барана, первоначально уложенные, вероятно, на деревянное блюдо. Среди этих костей обнаружены фрагменты железного ножа. Справа, вдоль юго-западной стенки ящика, положен сложносоставной лук, от которого сохранилось семь роговых накладок: две концевых лежали на плите каменного ящика напротив правой берцовой кости, две срединные и одна фронтальная – напротив правого плеча, две других концевых – за северо-западной плитой каменного ящика. Под черепом покойного с левой стороны находилась серебряная витая серьга. У правого плеча – прямоугольная железная рамка. Под левой рукой – фрагменты железного однолезвийного кинжала. Здесь же, у пояса, напротив левой кисти – роговая трубочка. Под левым локтем и позвоночником – остатки наборного пояса – скопление многочисленных коррозированных, спекшихся железных предметов, в том числе железная пряжка со щитком. Берестяной колчан положен справа от головы покойного, его расширенный нижний конец опирался на торцовую плиту ящика, а верхний – на дно могилы (рис. 1, 1).

Колчан представлял собой усеченный берестяной конус длиной не менее 30 см. Частично истлели нижний торцевой край и середина колчана. Ширина верхнего края 9,5 см, ширина сохранившейся части нижнего торцевого края 13,5 см. В колчане обнаружены один костяной и три железных наконечника стрел, которые располагались остриями вниз к расширенному дну колчана. В процессе изучения могилы были взяты монолитом верхняя и нижняя части колчана. Степень сохранности и плотность бересты позволили подвергнуть данное изделие механической очистке щеточкой с жесткими ворсинками. В результате расчистки была удалена грязь с остатков колчана и выявлены следы проколов от различных инструментов.

Осмотр и изучение частей колчана позволили выявить основные особенности его устройства. Корпус изделия однослойный, сшит из двух частей – верхней (рис. 2, а-а¹) и нижней (рис. 2, б, в-в¹). Обе части различались конструкцией. Для сборки каждой

Рис. 1. Курган № 7 могильника Дялян: 1 – берестяной колчан; 2 – скелет погребенного; 3 – пряжка; 4 – скелет лошади (фото Ю. В. Тетерина)

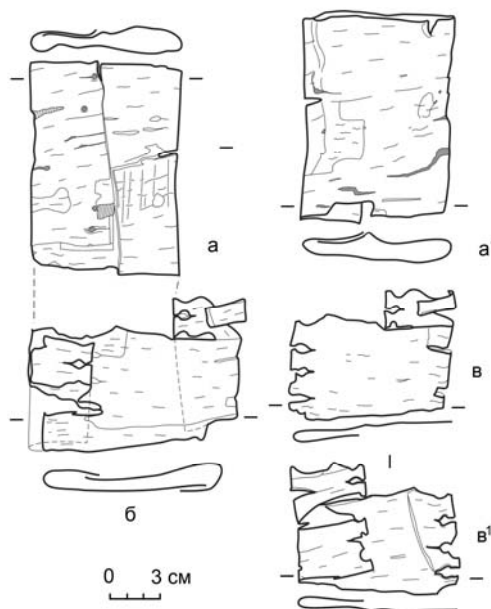

Рис. 2. Берестяной колчан из кургана № 7 могильника Дялян: а – оборотная сторона верхней части колчана; а¹ – лицевая сторона верхней части колчана; б – оборотная сторона нижней части колчана, состоящая из двух сегментов; в, в¹ – лицевая и оборотная стороны одной из пластин нижней части колчана

Рис. 3. Курган № 8 могильника Дялян: 1 – берестяная коробочка; 2 – скелет женщины (фото Ю. В. Тетерина)

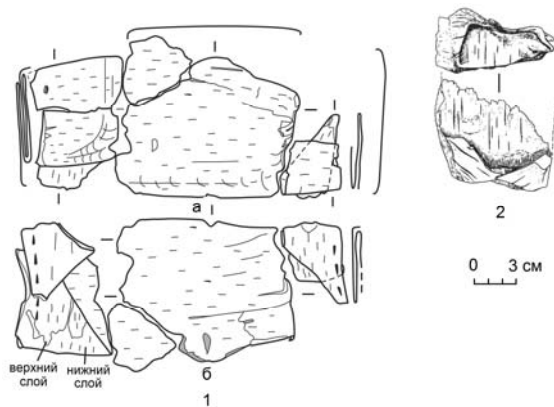

Рис. 4. Берестяные коробочки: 1 – из могильника Дялян (а – вид снизу; б – вид сверху); 2 – из могильника Степной Чумыш (по: [Ширин, 2003])

из них применялись разные наборы инструментов. Листы сшиты швом в строчку с шагом в 1,5 см. Отверстия расположены в 1 см от вертикальной кромки листа и пробиты шилом, их диаметр достигал 0,5 см. Верхняя часть колчана состояла из фрагмента бересты, свернутой в трубку с наложением одного края на другой на 3,5 см. Примерные размеры фрагмента: длина 13,5 см, ширина 9,5 см (рис. 2, а-а¹). С обратной стороны

зафиксированы следы порчи колчана ножом от горловины до середины колчана. На рисунке они указаны слегка смещенной линией в центре изделия (рис. 2, а).

Нижняя часть колчана (рис. 2, б, в-в¹) состояла из двух прямоугольных листов шириной 13,5 и 10,5 см, длиной 9,5 см. Оба листа были пробиты толстым шилом вдоль продольных краев. Отверстия достигали диаметра 0,8–0,9 см и располагались в 1 см от вертикальной кромки листа. Вертикальные стыковочные швы были смещены от центра оси колчана ближе к краю корпуса на 4 см. Следов жесткого внешнего каркаса не прослеживалось, что подтверждается и отсутствием отверстий на боках верхней и нижней частей колчана. Аналогичный способ внутреннего наложения листов зафиксирован на берестяном колчане из средневекового погребения могильника Сопка-2 [Молодин, Соловьев, 2004. Табл. V, 1б].

Можно предположить, что доньшко изделия было деревянным или берестяным и запрессовано в распаренный корпус его нижней части. Об этом свидетельствуют отсутствие проколов для пришивания дна и наличие в колчане стрел с железными наконечниками. Подобный прием применяют и современные мастера при изготовлении туесов. Таким же образом, видимо, были изготовлены сосуды с деревянными доньшками из Ноин-Улинских курганов. По мнению С. И. Руденко, стенки таких туесков-ведерок могли быть берестяными [1962. С. 36. Рис. 26, з, к, л]. Возможно, так же были устроены и берестяные сосуды с деревянными доньшками из кокзельских погребений Тывы [Вайнштейн, 1970, С. 43. Рис. 68, 4]. Допустимо предполагать, что верхняя более узкая часть была просто вставлена в нижнюю расширенную часть колчана, поскольку следов поперечных проколов на краях соединения обеих частей изделия не прослеживается.

Размеры, конструкция и способ изготовления предмета позволяют предположить, что он был сшит наспех и, возможно, специально для погребения. Судя по характеру замятий в уголках отверстий, листы были сшиты крупной нитью или тонким жгутом сарги. Все листы колчана собраны так, что рисунок почек располагался поперек листа заготовки, белой стороной у верхней части наружу, а у нижней части колчана внутрь. Внешний белый слой был предварительно

счищен. Кора была снята ранней весной или осенью с молодой березы, так как она имела характерный для этих времен года серый цвет. Обе части колчана состояли из бересты с разных деревьев. Небольшие размеры заготовок и простота конструкции свидетельствуют о малом количестве времени, затраченном на заготовку материала и изготовление изделия. Береста, судя по лопнувшим фрагментам, не была выварена перед работой. Все действия производились ножом, шилом и иглой. Отметим также, что все более поздние средневековые колчаны с соединением листа внахлест по центру оси, в которых найдены настоящие стрелы, были как минимум двухслойными. В пользу высказанного предположения свидетельствуют и особенности погребального обряда, зафиксированного в кургане № 7. Надмогильное сооружение сравнительно небольшое и не соответствует размерам могильной ямы. Каменный ящик сооружен небрежно (одной из торцевых стенок не было, отсутствовало также и каменное перекрытие над ящиком), что не характерно для мужских погребений данного могильника. Сопроводительное погребение молодого коня выполнено в противоположенную сторону от погребенного, но шея его переломлена, и голова ориентирована на северо-западный сектор горизонта, как и в других конских захоронениях могильника. Сам колчан прислонен к стенке ящика горловиной вниз, а дном вверх. Вероятно, молодой мужчина из кургана № 7 не имел еще высокого воинского статуса и был похоронен по упрощенному обряду. Этим, вероятно, и объясняется простота конструкции колчана.

Надмогильное сооружение кургана № 8 того же могильника представляло собой плоскую каменную насыпь из скальных обломков неправильно округлой формы диаметром 2 м. По периметру насыпи фиксировались отдельные более крупные камни. Под насыпью вскрыта прямоугольная с округленными углами могильная яма размерами 1,8 × 0,8 × 1,3 м, ориентированная длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток.

Могила не потревожена. На дне могильной ямы – каменный ящик, сложенный из специально обработанных, плотно пригнанных друг к другу плоских плит размерами 1,5 × 0,6 × 0,4 м. Ящик имел двойное перекрытие: сверху он был закрыт такими же

плитами, плотно прилежавшими друг к другу, а нижнее перекрытие состояло из тонких жердей, уложенных вдоль каменного ящика. На дне ящика находился скелет молодой женщины (рис. 3). Она была уложена, вполоборота на правом боку с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад, руки согнуты в локтях, правая кисть покоилась на правой тазовой кости, левая кисть – на правой руке. На поясных позвонках – круглая железная пряжка с подвижным язычком, у правого плеча – фрагменты железного ножа и берестяная прямоугольная коробочка без крышки (рис. 3, 1), в которой находился порошок бело-розового цвета. Вероятно, это остатки какого-то косметического средства.

Берестяная коробочка относится к типу простейших берестяных сосудов, хорошо известных в средневековой археологии юга Западной Сибири и этнографии сибирских татар, алтайцев, хантов под названием «куженька». Она изготовлена из одного листа прямоугольной формы размерами 9 × 10 см. Края заготовки были подогнуты с четырех сторон на 6 см. Образовавшиеся углы сложены по диагонали в треугольники и отогнуты к торцам с наложением друг на друга, после чего вдоль верхнего края параллельно краям торцевых стенок ножом были пробиты отверстия размерами 0,5 × 0,2 см и прошиты узкой лентой сарги (рис. 4). Судя по следам от замятий на краях торцов, сарга шла наискосок через край, напоминая обметочный шов. Коробочка, как и колчан, изготовлена ранней весной, до начала сокодвижения березы, или ранней осенью, поскольку кора имеет характерный темно-серый оттенок и следы луба.

Коробочка из Горного Алтая в настоящий момент является одной из самых ранних находок этого типа берестяных сосудов на юге Западной Сибири. В качестве аналога можно привести находку фрагмента берестяного изделия, который определяется автором, как совок или часть коробочки из могильника Степной Чумыш 2 (рис. 4, 2). Исследователь данного памятника относит его к фоминской культуре и датирует III–IV вв. н. э. [Ширин, 2003. С. 125. Рис. 2, 2]. Более поздние находки берестяных сосудов этого типа на Алтае происходят из могильников Раздумье-1 и Сростки-1, которые датируются XIII–XIV вв. н. э. [Уманский, 1987. С. 89; Горбунов и др., 2013. С. 105]. Фактически эта форма под разными назва-

ниями бытовала у многих народов юга Западной Сибири до начала XX в. [Федорова, 1994]. Таким образом, горно-алтайская находка свидетельствует о непрерывности бытования данного типа сосудов на юге Западной Сибири и в Горном Алтае начиная, по крайней мере, с хунно-сарматского времени.

Анализ берестяных артефактов из могильника Дялян позволяет сделать вывод о том, что формы и конструкции изделий, технологические приемы обработки бересты, которые использовались в Средневековье и этнографическое время, были известны народам юга Западной Сибири и Саяно-Алтая уже в хунно-сарматское время.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (Погребения казылганской и сыын-чюрексской культур) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 7–79.

Горбунов В. В., Ситдииков А. Г., Тишкин А. А. Новые результаты изучения курганного могильника Сростки I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. 18–19. С. 102–107.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья. 184 с.

Пишеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–162.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинлинские курганы. М.; Л.: Наука, 1962. 206 с.

Савинов Д. Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 39–49.

Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.

Тетерин Ю. В. Могильник Дялян – новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 155–157.

Уманский А. П. Археологические памятники урочище Раздумье // Археологические исследования на Алтае: Межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1987. С. 81–99.

Федорова Е. Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994. С. 76–119.

Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 163–169.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Материал поступил в редколлегия 18.06.2017

Yu. V. Teterin¹, S. A. Pilipenko²

¹ *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University Economics and Management
56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation*

dinlin@ngs.ru, Pilipenkosergej@mail.ru

BIRCH BARK PRODUCTS OF THE HUNN-SARMATIAN PERIOD IN BURIAL GROUND DYALYAN (GORNÝ ALTAI, RUSSIA)

Purpose. In the Hunn-Sarmatian time the nomads of the Sayan-Altai used numerous birch bark products in their everyday life and funeral rites, but it is a rare find in archaeological objects. Such

birch bark artifacts are precious materials for the analysis of the devices produced and the technology of their manufacturing, which is necessary for the reconstruction of the economic and everyday life and the study of interethnic ties of the ancient population in Altai. The article introduces birch bark products from the Dyalyan burial ground explored in the Shebalinsky district of Gorny Altai. The site dates 5–6 centuries AD.

Results. Out of the 13 barrows of the Hunn-Sarmatian time excavated at the Dyalyan burial ground, only two included some birch bark products. In barrow № 7, a young man was buried in a stone box, accompanied with his horse. To the right of the deceased's head, a birch bark quiver was placed. It was found lying with its bottom wider part against the side of the box and the more narrow, upper part down. There were 4 arrowheads inside the quiver. The item discovered was a single-layer birch bark cone consisting of two parts of different design. The upper part was folded into a tube from one sheet of birch bark, and the lower part was made of two sheets of birch bark with the ends superimposed on each other. We found out that in order to assemble each of the items the masters used different tools. The sheets were sewn with a thick thread or a thin bundle of sarga. We suppose that the quiver's bottom was probably made of birch bark or wood and was pressed into the item, as the bottom does not contain holes for the needle. The size, simplicity of the construction of the quiver, one layer of birch bark on the item and the features of the funeral rite make us conclude that the quiver was made especially for the burial and the young man from barrow № 7 did not have a high social status and was buried according to a simplified rite. The birch bark quiver from the Dyalyan burial ground is the first quiver of the Hunn-Sarmatian period discovered on the territory of the Sayan-Altai and south of Western Siberia, which has been described in detail.

Barrow № 8 contained a young woman buried in a stone box. Next to the right shoulder of the deceased, there was a birch bark box without a cover containing some beauty aid. The capsule was made of rectangular birch bark sheets with their corners bent and folded diagonally in triangles. The edges of the bottom sides were sewn with a seam wrap from a narrow sarga tape. Such simple birch bark containers were widespread in the Middle Ages and Modern times among different peoples of the south of Western Siberia, such as the Altaians, Khanty, Siberian Tatars.

Conclusion. Our analysis of the devices found and the methods used for making birch bark artifacts of the Dyalyan burial ground shows that the forms and designs of the birch bark products, as well as the technological methods of processing birch bark used in the Middle Ages and ethnographic times in Gorny Altai, had been known in the Sayan-Altai and the south of Western Siberia as early as the Hunn-Sarmatian period.

Keywords: Sayan-Altai, Gorny Altai, Hunn-Sarmatian period, burial ground, barrow, birch bark, quiver, box.

References

Fedorova E. G. Berestyanyaya utvar' narodov Sibiri. Konets XIX – pervaya polovina XX v. [Birch bark utensils of the peoples of Siberia. The end of the XIX – first half of the XX century]. *Pamyatniki material'noi kul'tury narodov Sibiri [Monuments of the material culture of the peoples of Siberia]*. St. Petersburg, Nauka, 1994, p. 76–119. (in Russ.)

Gorbunov V. V., Sitdikov A. G., Tishkin A. A. Novye rezul'taty izucheniya kurgannogo mogil'nika Srostki I v Biiskom raione Altaiskogo kraia [New results of studying the burial cemetery of Srostki I in the Biysky district of the Altai territory]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai territory]*. Barnaul, Azbuka Publ., 2013, p. 173–191. (in Russ.)

Khudyakov Yu. S., Alkin S. V., Yui Su-khua. Syan'bi i Yuzyhnaya Sibir' [Syanbi and Southern Siberia]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya Laboratorii arkheologii. No 4. [Antiquities of the Altai. News of the Laboratory of Archaeology. № 4]*. Gorno-Altai, GAGU Publ., 1999, p. 163–169. (in Russ.)

Molodin V. I., Solov'ev A. I. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi T. 2: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi Srednevekov'ya [Site Sopka-2 on the Om' River. Vol. 2: Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Middle Ages]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, 184 p. (in Russ.)

Pshenitsyna M. N. Tretii tip pamyatnikov tesinskogo etapa [The third type of objects Tesinsky stage]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [Prehistoric Archaeology of the Siberia]. Leningrad, Nauka, 1975, p. 150–162. (in Russ.)

Rudenko S. I. *Kul'ura khunnov i Noinulinskie kurgany* [Culture of the Hunns and Noin-Ula Mounds]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1962, p. 206. (in Russ.)

Savinov D. G. *Mogil'nik Bertek-33* [Bertek-33 Barrow]. *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny (Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok)* [Ancient cultures of the Bertek valley (Gorny Altai, Ukok plateau)]. Novosibirsk, Nauka, 1994, p. 39–49. (in Russ.)

Shirin Yu. V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoi kul'tury)* [Upper Ob River and foothills of the Kuznetsk Alatau in the beginning of the 1st millennium AD (Funerary sites of Fominskoe culture)]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 2003, 228 p. (in Russ.)

Stambul'nik E. U. *Novye pamyatniki gunno-sarmatskogo vremeni v Tuve (nekotorye itogi rabot)* [New objects of the Hunn-Sarmatian time in Tuva (some results of the work)]. *Drevnie kul'tury evraziiskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad, Nauka, 1983, p. 34–41. (in Russ.)

Teterin Yu. V. *Mogil'nik Dyalyan – novyi pamyatnik predtyurkskogo vremeni Gornogo Altaya* [Burial Dyalyan – a new site in the for Turkic time of Mountain Altai]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites of Southern Siberia]. Barnaul, 1991, p. 155–157. (in Russ.)

Umanskii A. P. *Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Razdum'e* [Archaeological objects of the basin Razdum'e]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Altae. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei* [Archaeological research in the Altai. Interuniversity collection of scientific articles]. Barnaul, 1987, p. 81–99. (in Russ.)

Vadetskaya E. B. *Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. St.-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 440 p. (in Russ.)

Vainshtein S. I. *Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g. (Pogrebeniya kazylganskoi i syyn-churekskoi kul'tur)* [Excavations of the Kokel burial ground in 1962 (Burials of Kazylgans and Syyn-Chyurek cultures)]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. T. 3* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition. Vol. 3]. Leningrad, Nauka, 1970, p. 7–79. (in Russ.)